

18+

Эмилия Рейн

ПСИХУШКА

Эмилия Рейн

Психушка

«Издательские решения»

Рейн Э.

Психушка / Э. Рейн — «Издательские решения»,

Девушка после отравления лекарствами попала в «Психушку» и познакомилась с больными людьми, режимом дня и медперсоналом. Книга о больнице, заболеваниях физических и психических, развенчивает стереотипы о психоневрологических диспансерах, а некоторые — подтверждает. Книга содержит нецензурную брань.

© Рейн Э.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Психушка

Эмилия Рейн

© Эмилия Рейн, 2026

ISBN 978-5-0070-7990-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Художественный вымысел по мотивам реальных историй из жизни разных людей и моих личных историй. Каждый персонаж — это некий собирательный образ.

Предупреждение! Здесь присутствует ненормативная лексика в небольших количествах.

Глава 1

Началось все с того, что я приуныла от того, что мне тридцать девять лет и не сложилась жизнь: нет отношений, детей и карьеры, а еще пришли счета по коммуналке. Вдобавок у кошки была течка и она орала, как потерпевшая на всю квартиру и так всю неделю, потом тишина и опять с начала. У меня снова была депрессия. Была попытка отравления лекарствами, когда я их выпила, то уже пожалела, но часть меня все еще не хотела жить. Вызвать рвоту я у себя не могла, ведь у меня это никогда не получалось. Я подумала, не вызвать ли мне скорую помощь? Это было так унижительно. Сначала выпить таблетки, а потом вызвать себе скорую помощь! Как они на меня посмотрят? Как на идиотку?! Дороги назад не было. Я легла на постель и закрыла глаза. Хотелось спать.

Глаза открыла я уже лежа в реанимации. Первая мысль: «я выжила». Я не радовалась и не сожалела. Просто констатировала факт. Белый потолок. Я накрыта белой простыней. Потом я закрыла глаза. Видимо, заснула. Когда открыла глаза в следующий раз рядом, справа от меня, лежал мужчина и кровать у него стояла, как и моя. Я испугалась, что рядом со мной лежит незнакомый мужчина и решила: «надо бежать отсюда!». Приподняла простынь и ужаснулась, что я лежу голая и еще больше запаниковала.

— Что ты делаешь?! — сказала мне медсестра, выходя из дверного проема, который, оказывается, был напротив моей койки, а я и не заметила.

Пока она поправляла простынь, я разглядывала темный дверной проем. Я твердо решила бежать. И так было несколько раз. Пока меня не видят, пыталась вылезти из простыни, но как только выходила медсестра, я делала вид, будто наоборот натягиваю на себя, сбившуюся простынь. Мужчин рядом лежало уже двое, худые и не подающие признаков жизни. Их глаза были устремлены в потолок. Наверное, были в коме. Но эти глаза и атмосфера в реанимации меня пугали.

Очнулась я резко и осознала, что я одета и иду куда-то. В голове было пусто. Я не осознавала себя, как личность: кто я, что было до этого, где я, что чувствую и думаю. Пустота в голове и в душе. Меня держала под локоть мама и вела куда-то. Я не знала, что это моя мама. Просто подчиняясь, шла. Мы вошли в палату.

— Куда ляжешь? — спросила она и встала возле ближайшей кровати.

Я вспомнила фильм «Джентльмены удачи» и тот фрагмент, где герой Леонова выбирал в тюрьме лучшее место, чтобы лежать.

Я указала и сказала:

— У окна.

Я стояла, пока мама резво застилала постельное белье. Сознание у меня было мутным и тяготящим. Потом я легла на кровать, чувствуя, что тело стало тяжелым. Хотелось отдохнуть. Я заснула лежа на боку.

Мама заняла соседнюю койку, где было одеяло и подушка, а постельное белье ей не выдали. Лежала и спала в одежде.

Как только я очнулась, осмотрелась. В палате было пять коек, шкаф для верхних вещей, из двух окон был вид на близко стоящие ели и сосну. Деревья стояли в каком-то метре от окна, красивые, пышные, крепкие и статные. Все время хотелось только на них и смотреть, а еще на синичек прыгающих с ветки на ветку. Между самими окнами стоял маленький стол с тремя стульями. В палате были еще три соседки: одна напротив меня, тоже у окна, интеллигентная женщина лет пятидесяти и рядом с ней — полненькая неразговорчивая женщина, а рядом с дверью — лежала старушка, плотного телосложения с миниатюрным лицом. Старушке было восемьдесят два года, с ее слов, и она надышалась угарным дымом. У нее сгорела квартира. Она включила телевизор и что-то замкнуло, загорелось и она плеснула воды, но огонь разго-

релся. Она в футболке, штанах и тапках выскочила из квартиры в февральский мороз. Вскоре подъехали пожарные и выбили окно, залили все водой. Она осталась без вещей, документов и скорая помощь отвезла ее в больницу. Из родных у нее только племянник и племянница, один женат. Племяннице она по документам завещала свою квартиру и она ей больше нравилась, с покладистым характером и всегда ее слушалась, в отличие от племянника, ведь у него была жена, которую он слушается, а родную тетю — нет. Старушка очень подробно рассказывала всем подряд свою историю: нам, соседям по палате, новым подругам из соседних палат. К ней приходила девушка, соцработник и еще одна женщина, что ранее лежала в этой палате и принесла вещи из своего магазина: теплую куртку на меху, шапку, футболки, штаны и ботинки. Старушка радовалась. Мир не без добрых людей, отзывчивых на чужое горе.

Наступила ночь второго дня в терапевтическом отделении и я долго не могла заснуть. Прямо надо мной была лампа, я включила свет и читала какой-то иронический детектив, взятый из местной книжной полки. Мама спала, слева от меня, и остальные тоже. Вскоре старушка начала возмущаться, что я ей не даю спать. Но с ее стороны было темно, а свет горел только надо мной. Она не унималась, как и все люди с истерическим расстройством личности. Я чувствовала себя виноватой и мне было плохо, хотела выключить свет и отложить книгу. Она так звонко орала, что разбудила маму. Она шепотом сказала:

— Пусть читает. Ложитесь спать.

— Мне мешает свет. Я не могу уснуть.

— У вас же там темно, — снова прошептала мама.

Старушка снова повторила свои требования и недовольства, но уже на более высоких тонах.

— Тише говорите, разбудите остальных.

Та продолжала и все-таки разбудила всех. Мама ей повторяла: «тише» и вскоре перестала с ней говорить, легла снова спать. Та еще немного побурчала. Мне было плохо. Я возненавидела эту старушку, чувствовала вину перед ней и гордость, что мама защитила меня от ее нападков. Со следующего дня мы с мамой не общались с ней, просто игнорируя истеричку.

Тем временем мне ставили капельницы с разными растворами и раздавали всем минитаблетницы на день с четырьмя ячейками для лекарств. Первое время я не понимала, что вокруг происходит и спросила у матери, что вообще со мной было. В днях я потерялась. Оказывается, я провела сутки в коме на искусственной вентиляции легких, а лежала в реанимации три дня, затем поступила в терапевтическое отделение, где мы и находимся сейчас. Я все еще была заторможенная и мама при раздаче брала еды на двоих. Она приглядывала за мной в больнице и отходила от меня только если нужно было купить минералки, туалетной бумаги и прокладок. До попытки отравления у меня только закончились месячные и снова начались в больнице. Это было странно. Видимо, так сказывалось мое отравление лекарствами. А теперь я лечилась и после капельниц меня бросало в жор. У меня все еще была амнезия и я не помнила: свое прошлое и с трудом воспринимала реальность, которая казалась нереальной, странной и мрачной. В голове была пустота. Я механически читала книгу.

Я сказала матери, чтобы не пасла меня и спокойно возвращалась на работу. Что она и сделала. Полненькую женщину выписали и почти сразу поступила другая женщина: полненькая с большим животом, такой бывает при беременности и при скоплении воды в брюшной полости, смугло-желтоватая кожа и черные волосы до плеч. Сразу ей сказали, что у нее критично заниженное железо. Ей тут же поставили капельницу с коричневой жидкостью, железо. Видимо, этого было недостаточно. Я впервые увидела, как делают переливание крови. Она была напугана и не рада этому. Постоянно ерзала и медсестры снова ставили иглу, закрепляя белым пластырем. Практически влили все до последней капли. Там в трубочке оставалось двадцать сантиметров. Просто потрясающие медсестры! Так заботились, контролировали все! Я в восхищении. Были еще до обеда практикантки, которым давали не односложные задания:

поставить и проконтролировать капельницу, сделать укол. Наконец у той женщины порозовели щеки, но всего на полчаса. Вскоре ей сказали, что у нее цирроз печени и она не хотела кушать, приуныла, говоря:

— Все равно умирать.

Я ее понимала. Меня бы тоже это шокировало. Это как если бы тебе сказали, что у тебя рак последней стадии.

Интеллигентная соседка сказала:

— Печень — орган, что очищается. Сейчас можно подобрать лечение.

Я же подумала: «Вряд ли, ведь печень отмирает. Интересно, почему у нее такой диагноз?» и вспомнила, что медсестра вскользь что-то сказала, типа «Пили до этого?», когда она поступила и та подтвердила. Наверное, она — алкоголичка. К ней всегда приходил брат с женой и приносил кучу продуктов: соки, варенья, фрукты, печенья, конфеты. Естественно, все она не могла съесть и предлагала соседкам. Что-то брала старушка, я взяла яблоко и немного конфет с печеньями в мешочке. Как-то она поставила на стол, где ели я и соседка бутылку минералки и вишневым сок. Я попила сок, налив в свою кружку. Тут же старушка возмутилась, что я налегаю на чужой сок.

— Пусть пьет, — что-то такое сказала интеллигентная женщина, а токсичная старушка всем видом показывала негодование и презрение ко мне.

Я упорно и назло допила сок и пошла выкидывать пакет в туалет, что располагался напротив нашей палаты. Подходя, я услышала спор обо мне. Старушка возмущалась, а та женщина возражала, что соседка же сама поставила сок и минералку.

Я не дергала свою маму, чтобы она что-то приносила в больницу, сэкономила деньги. Тут и так кормили. Берешь блюда в свою посуду, выданную в первый день пребывания в больнице. В восемь часов каша из сечки с чаем на завтрак, можно было брать хлеб, белый или черный или тот и другой. В час был обед: щи или рисовый суп и тушеная капуста с фаршем и компот. В пять часов ужин: рисовая каша на молоке или картофельное пюре с маленьким кусочком отварной курицы и чай с шиповником или кефир. В десять-одиннадцать часов ложились спать, в зависимости от желания. Я подолгу не могла заснуть и мучила бессонница, а по утрам мои соседки вставали часов в семь и болтали. Я просыпалась от включенного света и разговоров.

Потом появилась худенькая женщина, что работала пекарем в хлебозаводе. Она выдержала день и попросила перевести ее в другую палату потому, что соседки храпели: интеллигентная женщина и токсичная старушка. Меня это не волновало, ведь у меня были беруши. Мне было очень жаль, ведь мне понравилось с ней общаться. Она бежала от трудностей и через два дня к нам зашла и сказала, что и там одна соседка храпит. Бежала от трудностей и они ее все-таки настигли. Это как говорится в психологии, что нужно смело идти навстречу своему страху. Хотя в ее случае, она отстаивала свой комфорт.

Вскоре меня выписали. Пока я ждала прихода мамы с одеждой, мне сказали прийти к врачу. Я зашла в кабинет врача, подписала выписку. Она сказала, что нужно пить препарат железа, как минимум месяц.

— Больше так не делай, а то я тебя убью! — строго сказала она и погрозила кулаком.

Это так смешно слышать угрозы в данном контексте. В моей ситуации с отравлением лекарствами. Я улыбнулась и ответила:

— Не буду, ведь меня столько людей спасали.

Потом я пошла в палату и снова ждала прихода матери. Вскоре она пришла с зимними вещами и мы вышли из больницы. Кругом снег, холодно и мороз градусов в минус пятнадцать-двадцать. Мы зашли в аптеку. Я взяла рекомендованный мне врачом препарат железа на месяц. Он обошелся в 800 рублей и я твердо решила, что лучше покупать мясо и печень, чем его. Говяжье мясо стоит 700—900 рублей за килограмм, а можно говяжьи кости брать за 400

—500 рублей, свинина 250—400 рублей, а говяжья печень 500 рублей. Лучше получить все из продуктов, пусть и будет меньше железа, зато качественнее.

Потом мы зашли в магазин, чтобы купить продуктов и пошли к остановке, где стояли на конечной остановке маршрутки. После больницы мир вокруг воспринимался странно, ведь я отвыкла от мороза, людей. Дома я разложила продукты, заварила чай, полистала выписку, где в начале значилось:

«Результат госпитализации: улучшение.

Форма оказана медицинской помощи: экстренная.

Заключительный клинический диагноз:

Основное заболевание:

Отравление другими и неуточненными лекарственными средствами, медикаментами и биологическими веществами.

Соп: Анемия легкой степени тяжести.

Код по МКБ: T50.9»

В конце шли рекомендации:

«Наблюдение участкового терапевта и психиатра» и рекомендованный препарат железа.

Еще до отравления я ходила в ПНД (психоневрологический диспансер) за рецептом противотревожного препарата, что пила на ночь, а за год до этого — антидепрессанты утром, целых полтора года, а потом отменили для передышки от них. Психиатр тогда сказал, что когда длительно их принимаешь они идут во вред. И теперь я понимала, что мне нужно вернуть препараты, ведь по всем критериям меня снова накрыла депрессия и нужно лечение.

Через три дня оклемавшись от больницы, я пошла в ПНД, ведь нужно было сообщить им в каком я состоянии. Психиатр сказал, что они не могут выписать мне препараты и нужно срочно ложиться в ПНД. Так я и не за этим пришла. Я конечно подозревала, что мне такое предложат, но до конца не была уверена. Я понимала, что нуждалась в помощи, но с другой стороны, я только отлежала в больнице и снова лечь что ли? Странно. Я согласилась. С собой у меня не было паспорта. Я пошла домой за ним и собирать мыло, зубную пасту с зубной щеткой и прочие вещи. Позвонила матери на работу, ведь должны были в течение двух недель прийти работники и опломбировать водные счетчики, которые нам поставил сантехник, пока я лежала в больнице. Мама этим занималась. Сантехник с нашего района. Он отличный мастер, хороший специалист, с золотыми руками! Работникам водоканала и отопления я оставила свой телефон в заявке на пломбы счетчиков. До этого мы платили по нормативу и в последний раз пришла сумма за воду в 1700 рублей и я была так раздавлена, что это послужило последней каплей. Я не захотела жить и отравилась. Кому-то покажется глупым, что такая ерунда может отравить жизнь человека, ведь все проблемы решаемы. Я оказалась слабой. Мама в итоге убедилась, что дожидаться работников, ведь мы думали, что все сделают быстро. Она договорилась под свою ответственность и пригляд за мной, что позже я лягу в ПНД. Я каждый день ждала работников. Ночью долго не могла заснуть. Рано вставала и не высыпалась, была нервной и тревожной. Проблемы с памятью. Вот она расплата за то, что я отравилась лекарствами!

По утрам с работы прибегала мама, контролируя, как я. Жива или нет? Чем пугала меня, ведь подкрадывалась, когда я спала, что еще больше нервировало меня.

Я ничего не могла читать. Книги я не читала, зато смотрела каналы о животных и фильмы на ноутбуке. Дома было хорошо. Можно было наконец-то помыться, ведь в больнице я только обтиралась влажными салфетками. Можно было пить чай. Это единственная моя привычка и слабость. Люблю чай. А так я не пью и не курю потому, что мне нужен кристально чистый разум, чтобы заниматься творчеством и делами.

Раньше я работала утром один час уборщицей в аптеке. Протирала витрины, двери, мыла пол и сантехнику, а раз в месяц надо было мыть окно, шкафы и на все уходило два-три часа.

Утром я не кушала и убиралась, поэтому выматывалась. Платили мне наличными 5000 рублей в месяц и работала два года, за которые мне прибавили до 8000 рублей.

Глава 2

Разобравшись со всеми делами за три недели, я собралась впервые лечь в ПНД. Приготовила весь необходимый набор для больницы: зубная паста и щетка в футляре, шампунь, мыло, расческа, упаковка туалетной бумаги, прокладки, упаковку лекарства для щитовидки, упаковка влажных салфеток, две книги, домашние тапочки (в итоге негодились, ведь всем выдают из вспененного полимера, что выглядели как резиновые шлепанцы) и бутылочку воды.

Я была в жалком состоянии. К концу третьей недели пребывания дома, я мучилась бессонницей: ложилась в девять часов вечера и могла до двух или трех часов крутиться с боку на бок в кровати, ведь меня мучили тягостные мысли и воспоминания, которые невозможно было отключить или перенаправить свое внимание на что-то другое. Многие методы для тревожных людей не помогали. Все это было, как поднадоевший, тягучий, мрачный мотив шарманки. Быстрее хотелось, чтобы мне снова назначили антидепрессанты. Год-полтора назад психиатр сказал, что нужно сделать перерыв в приеме, ведь вредно пить их постоянно. И вот к чему это привело: к депрессивному состоянию с отравлением лекарствами. Получается, что мне нужно постоянно принимать антидепрессанты без перерывов. Я хотела, чтобы мне помогли и одновременно не было никаких сил. Уныние, безысходность, мрачный взгляд на жизнь.

Меня с матерью медсестра проводила на второй этаж, где лежали мужчины и женщины, ведь медперсонала не хватало.

Быть в психушке не так ужасно, как многие думают. Мы зашли в «постовую» комнату, где слева была синяя кушетка, справа — серый шкаф и стол с компьютером у окна, а посередине — стол с канцелярией. Пока мама за столом у компьютера заполняла бумаги, я сняла верхнюю одежду. В дверной проем заглядывал длинный худой парень с миловидным лицом, серыми глазами и коротким светло-русыми волосами. В моем вкусе. У него был заторможенный вид, будто не понимал, где он и что происходит. Мне сказали дальше раздеваться, а сами прогнали парня и остальных собравшихся зевак, встали в проеме, чтобы меня не было видно. Я быстро все сняла и потянулась к стопке вещей, что предоставили мне. Та санитарка, что сидела за столом, сказала показаться мне. Я покрутилась стыдливо показывая себя голую, потом быстро надела трусы, хлопчатобумажную сорочку и халат на завязочках, носки и свои зеленые тапочки. Мои вещи были свалены на половине кушетки и стояли войлочные ботинки на полу. Мне сказали присесть на кушетку. Измерили давление: 110 на 70, вес: 48.400 кг, рост: 171 см. Еще взяли палочкой на анализ слюну внутри щеки и в слизистой носа. Одна из санитарок несколько раз пролистала мои книги, видимо, на предмет того, есть ли там что-нибудь припрятанное. Это понятно, учитывая мое прошлое.

Потом мама с лишними вещами ушла, а меня проводили в палату номер два, где лежали две пожилые женщины и одна девушка. Одна из санитарок дала мне стопку постельного белья, а уборщица — рулон туалетной бумаги с надписью моей фамилии, разрешила мне взять начальную всю упаковку прокладок и бутылочку воды. Я сразу все положила под матрац и заторможенно смотрела на стопку постельного белья, потом долго раскрывала и пыталась понять, что это. На кровати лежало бордовое одеяло, коричневое с белыми цветами покрывало было застелено сверху синего клеенчатого матраца и подушка.

— Тебе помочь? — спросила пожилая соседка.

Наши койки стояли справа, только у нее у окна и впритык к стене и у другой стены так же были расположены койки. На окне была решетка, запертая на два замка и форточки открывались наружу. Всего в палате было четыре кровати, а в некоторых других — пять, что стояла у окна, между двумя другими кроватями и уборщицам было тяжело мыть полы.

— Нет, я сама, — ответила я, ведь неудобно было напрягать человека, можно даже сказать, что она была старушкой и я никогда не знала, где проходит грань между пожилым и старым человеком.

Я медленно стелила простынь, пододеяльник и наволочку на подушку. Потом устало села. Старушке, что предложила помощь стало жарко и она открыла форточку, что располагалась наверху. У одной из женщин я спросила: «Можно ли мне взять книги, оставшиеся на посту?» и она ответила, что нужно подойти к санитарке и в итоге я пошла в ту комнату и мне выдали уже подписанные моей фамилией на обложках двух книг: Мураками «Заводная птица» (трилогия) и Шляхов «Андрей Миронов». Мураками я отложила под матрац, а сама юркнула под одеяло, приложила к спинке кровати и откинулась. Начала читать книгу про Андрея Миронова. Было холодно от форточки, я замоталась одеялом, но руки и шея оставались открытыми. В итоге, я пошла спросить какие-нибудь теплые вещи. Мне сказали подойти к санитарке в серой одежде. Она стояла в дверном проеме, где над комнатой висела табличка «Столовая». Она была худенькой, почти тщедушного вида, в серых штанах и серой рубашке, а на голове была прозрачная шапочка, которую надевают, чтобы волосы не падали в еду, когда готовишь. Она стояла в проеме и цепко смотрела комнату. Я подошла и спросила:

— Мне нужны теплые вещи.

— Нету, — ответила она строго, с каким-то даже презрением ко мне.

Вроде я ничего ей до этого не делала и мы не общались. Наверное, она ненавидит всех пациентов. Я грустно поплелась в свою палату. Я решила ни с кем не общаться и держаться в стороне. Только спросила у соседок:

— Когда обед?

— В два часа, — ответили мне.

Я утром ничего не ела и была немного голодной. Я посмотрела на дверной проем и обнаружила там крюк в виде кольца. Интересно, для чего он здесь? Чтобы на нем...? И еще решетки хорошо подходят для этого. Я снова зарылась под одеяло и читала. Потом надоело и я убрала книгу, закуталась до подбородка. Не успела я согреться, как в палату ворвались три санитарки и сказали нам встать. Мы растерянно встали.

— Проверяйте все. Переворачивайте, — сказала одна из женщин двум другим.

Что здесь происходит? Я была в шоке и смотрела во все глаза. Одна из санитарок схватилась за мой матрац и заглянула.

— А это новенькая. Не надо смотреть, — сказала она обо мне.

Я была обескуражена. Куда это я попала? В тюрьму?! Вскоре они ушли, а мы приводили в порядок свои постели, ведь все было в беспорядке. Интересно, что именно они искали? Заточки, сигареты? Как изображают тюрьму в фильмах и сериалах. Непонятно. Я легла под одеяло и снова читала.

Вскоре объявили обход и сказали привести в порядок постели. Я неохотно покинула одеяло, заправила кровать, положила подушку, а под нее сунула свою книгу. Села на кровать, как образцовый школьник. Дошла очередь до нашей палаты, ведь сначала шла палата номер один — мужская, а дальше наша — женская. Везде не было дверей в палатах, а в других помещениях были. Так вот, чуть позже я узнала, что эти две палаты смотровые и напротив них не зря стояла серая кушетка со спинкой и небольшой столик с синей кожаной поверхностью. Вошли две женщины. Одна худая в узком белом халате, светло-русые волосы собраны в пучок сзади, миловидное лицо, лет двадцати-тридцати и заведовала «Женским отделением». Вторая — плотного телосложения, скорее, полноватого, в зеленой рубашке со штанами, смуглая черноволосая с накладными ресницами, что делало ее глаза большими, лет тридцати-сорока и заведовала «Мужским отделением». На пороге еще кто-то толпился из санитарок. Худенькая психиатр спросила у двадцатилетней девушки, как она себя чувствует и есть ли «голоса».

— Нет, — ответила она.

Потом опрашивали остальных. Я не вслушивалась. Когда дошла очередь до меня, она сказала:

— А с тобой позже поговорим.

Ушла. Я долгое время просто сидела. Смотрела на худого симпатичного паренька, что тогда пытался заглянуть в постовую комнату. Он гулял туда-сюда.

— Женя, зайти в палату, — говорили ему.

Он был из соседней палаты номер один. Ему все не лежалось. Он был интересен своей хрупкой внешностью. Долговязый парень. Потом я читала. Всех позвали на йогурт. Все столпились в длинной очереди. Я была в шоке. Сколько тут было пациентов! Дошла очередь до меня и женщина сказала, что меня еще нет в списке, поэтому я не могу получить йогурт. Я кивнула и ушла в опустевшую палату. Потом меня позвали на беседу с психиатром, худенькой девушкой непонятного возраста. Надо было объяснить причину отравления лекарствами, рассказать о психологических проблемах. Какие есть в роду психические заболевания, а всякие физические были не нужны. Врач спросила какое у меня настроение. Не помню, что ответила.

— Есть ли голоса?

Я удивилась.

— Нет.

— Кажется ли, что можешь читать мысли других, например, мои?

— Нет, — ошарашено ответила я и добавила: — Как можно знать, что у другого в голове? Если не узнавать, не общаться с ним?

Она все это время записывала, держа в руке пластиковый планшет с закрепленными белыми листами. Вскоре меня отпустили. Потом я что-то важное вспомнила и подошла к ней, чтобы рассказать. После этого с чистым сердцем я отправилась в свою палату читать книгу.

Вскоре меня позвали в столовую. Там стояли коричневые столы с такими же лавками, слева — плазменный телевизор диагональю в 25—30 сантиметров, белые решетки на окнах, тоже как и в палате, закрытые на два замка сверху и снизу. Между окнами висела картина, написанная акварелью. Какой-то пейзаж: луг с цветами и небо голубое. Совершенно скучная картина. Как только я вошла светло-русый мужчина с круглым лицом и плотного телосложения в белом халате предложил сесть, справа от меня, за светло-коричневый стол с двумя стульями, где мне было уготовано место у стены, а он сидел напротив. Кто-то закрыл дверь в столовой. Я села.

— Проведем несколько тестов, — сказал он.

Я подумала, почему бы и нет? Меня всегда интересовали психология, психиатрия и я кучу тестов прошла. Когда я прохожу их, я анализирую и знаю к чему ведет тот или иной тест, что хотят выявить. Сначала он подsunул мне картинку с квадратом, состоящим из отдельных ячеек с цифрами в произвольном порядке. Надо было по порядку находить цифры, а он сидел с секундомером. Сначала легче было находить, смотрела на весь квадрат, чтобы понять, где ближайшие цифры. На номере «одиннадцать» меня заклонило и я была в ступоре. Он щелкнул кнопкой, останавливая секундомер, записал что-то у себя, затем протянул мне белый листок формата «А4» и простой карандаш для прохождения заданий. Первое задание было: нарисовать бабушку. Я подумала и начала рисовать лицо. Психолог следил за мной и я это чувствовала. Потом я медленно рисовала лицо, платок.

— Хватит, — сказал он.

— Подождите, сейчас дорисую, — ответила я и нарисовала, где были уши слуховой аппаратуры.

Я сразу поняла, что меня ждут тесты с подковыркой. Дальше надо было по мелочи все изображать и я заполнила рисунками с одной стороны, а с другой — половину. Не помню, что были за тесты. Мне очень ярко запомнилась глухая бабушка.

Потом я ушла в свою палату, затем был обед. Обычно на обед каждый день давали разные блюда: суп (рассольник; борщ; рисовый, в котором плавала тонкая лапша и кусочки картофеля; гороховый), на второе: тушеная капуста с фаршем или макароны с фаршем или вообще, перловая каша и компот. На ужин: пюре с сосиской, пшенная каша с отварным кусочком минтая и чай с шиповником и еще стояла общая тарелка с отварной свеклой, сверху присыпанной сахаром или капустно-морковный салат. На завтрак давали: сечка с вареным вкрутую яйцом и хлеб с маслом или кусочком сыра и обычный чай.

Во время еды санитарка, сидящая за столом, где я проходила тест раздавала лекарства, называя фамилию пациента. У нее на столе лежали два черных ящичка с названием, отмеченным красным маркером: «I пост» (мужчины) и «II пост» (женщины). Также она брала всю кипу листов из прозрачной папки с мини-карточками на альбомных листах, в которых было указано какие препараты и в каких дозировках были назначены психиатрами.

После обеда все ходили в туалет. Была очередь в женском туалете, все буквально нависали над той, кто сидела на унитазе и невозможно было спокойно испражняться. После этого до пяти часов был «тихий час». Кто-то читал книгу, кто-то лежал или спал. Я читала книгу. Некоторые санитарки ругались, если люди в «тихий час» ходили в туалет, но это же естественный процесс, когда после обеда хочешь в туалет! Первое время мне все казалось унылым, непонятным. Главное, я хотела, чтобы мне наконец помогли: давали антидепрессанты и чтобы я могла спать, ведь я так хотела выспаться. В пять часов давали йогурт или кефир, когда что, а в одиннадцать утра давали половину кружки яблочного дешевого яблочного сока, одна водичка, и жесткое зеленое яблоко или грушу, а иногда и мандаринку. Такие вот полдники.

Потом кто лежал в постели, кто слонялся туда-сюда по коридору, кто в небольшом фойе, расположенном в середине с четырьмя жесткими синими лавками. Там сидели пациенты. Кто смотрел сквозь решетки и окно на садик с листвой, цветами, деревьями, елями, а кто ходил по коридору туда-сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.